

Ольга Казакова

О проблемах и перспективах изучения архитектуры советского модернизма в постколониальную эпоху

Olga Kazakova

On the Problems and Prospects of Studying the Architecture of Soviet Modernism in the Postcolonial Era

Ольга Казакова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент факультета гуманитарных наук; кандидат искусствоведения) ovkazakova@hse.ru.

Olga Kazakova (PhD; Associate Professor, Faculty of Humanities, HSE University) ovkazaova@hse.ru.

Ключевые слова: советский модернизм, советская архитектура, архитектура республик, колониализм, постколониальные исследования, центр и периферия, поздний СССР, национальная политика

Key words: Soviet modernism, Soviet architecture, architecture of the republics, colonialism, postcolonial studies, center and periphery, late USSR, national policy

УДК: 72.036

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_320

UDC: 72.036

DOI: 10.53953/08696365_2022_178_6_320

В статье описывается история изучения архитектуры советского модернизма в постсоветский период, анализируются существующие подходы, проблемы и пробелы в исследованиях, рассматривается необходимость изучения и описания «аппарата управления» архитектурой в позднем СССР, а также необходимость формирования инструментов для понимания проблематики взаимоотношений между бывшим «центром» и бывшими «окраинами» и возможности применения к этой проблеме постколониальной оптики.

This article describes the history of the study of Soviet modernist architecture after the dissolution of the Soviet Union. It analyzes current approaches and issues and lacunae in research and looks at the need to study and describe the “administrative apparatus” that oversaw construction and architecture in the late USSR, as well as the need to develop a tools that would enable researchers to better understand issues surrounding the relationship between the former “center” and the former “border regions” and the possibility of using postcolonial optics in further studies of the topic.

Памяти Феликса Новикова

Сколько-либо фундаментальное изучение архитектурного наследия советского модернизма 1955—1991 годов как самостоятельного явления началось с символического исключения из академического поля наследия РСФСР. Первым «подходом к теме», точкой, от которой сегодня уже принято вести отчет современных исследований архитектуры советского модернизма, стал Венский конгресс 2012 года под названием «Советский модернизм 1955—1991. Нера сказанные истории».

Подготовкой конгресса занималась команда кураторов Венского архитектурного центра в составе Екатерины Шапиро-Обермайер, Александры Вотчер и Катарины Риттер, обращавшихся в процессе к помощи многих консультантов из бывших советских республик. Конгрессу предшествовало масштабное,

длившееся восемь лет полевое исследование позднесоветского архитектурного наследия независимых государств, входивших до 1991 года в состав СССР, включавшее экспедиции, изучение архивов и источников, работу «на местности», фотофиксацию, интервью с архитекторами и т.д. Основными результатами работы стали выставка, конференция и публикация многостраничной книги-каталога с результатами проделанной работы [Ritter et al. 2012]. Ни на выставке, ни в итоговом издании не были представлены материалы из РСФСР — это была принципиальная позиция кураторов, в 2012 году бывшая еще непризывной и вызвавшая тогда много вопросов.

Тем не менее выставка привлекла более 13 тысяч посетителей за четыре месяца и побила рекорд посещаемости за 20-летнюю на тот момент историю Венского архитектурного центра.

Название исследовательского проекта — «Нерассказанные истории» — довольно точно формулирует ситуацию с изучением архитектуры советского модернизма, которая за прошедшие после конгресса десять лет хотя и сдвинулась с мертвой точки, но принципиально не изменилась. Не только история модернизма — почти вся история советской архитектуры еще не только не рассказана, но и не исследована и не описана: «чего нехватишься — ничего нет» — самое частое выражение в кругах людей, интересующихся темой. Тема эта своей необъятностью напоминает расплывающееся одеяло, прорехи в котором все увеличиваются, а исследованные проблемы, объекты и биографии выглядят яркими заплатками на сереющей и худеющей ткани. Деление истории советской архитектуры на периоды не очень помогает — советский модернизм, который еще называют «третьим большим стилем империи» (после авангарда и сталинской неоклассики), хоть и ограничивается 1955—1991 годами, охватывает слишком большую территорию, сегодня разделенную не только границами, но и тяжелейшими разногласиями, да и количественному счету эпоха массовой типовой застройки весьма плохо поддается.

Маятник восприятия советского модернизма вне профессионального сообщества качается между «серой безликой массой» и экзотическими «космическими объектами», какими показал их в своем альбоме 2011 года Фридерик Шобен [Chaubin 2011]. В большинстве стран наследие советского модернизма почти не имеет шансов получить статус памятника, зато имеет высокие шансы на снос — после распада СССР политические элиты с энтузиазмом принялись уничтожать материальных свидетелей их «подчиненного» в молодые годы центру положения, несмотря на протесты не столь уж многочисленных, хотя и увеличивающихся с каждым годом свои ряды ценителей «совмода». Иногда главную роль в утрате наследия играли деньги (снос памятников модернизма в Баку), иногда их отсутствие (бассейн Лагуна Вере в Тбилиси), иногда принципиальное отторжение, как до недавнего времени это было в Ташкенте или в случае с попыткой сноса аэропорта Звартноц в Ереване. Безусловно, из этого правила были и удачные исключения, среди которых можно отметить качественную реконструкцию Музея революции Литовской ССР в Вильнюсе (1980), превращенного в 2012 году в Национальную художественную галерею, но они были редкими.

На рубеже 2010—2020-х годов ситуация с негативным в целом отношением к наследию позднесоветской эпохи начала постепенно меняться: так, в Алматы в 2018 году был начат процесс реставрации бывшего кинотеатра «Целинный» (1964, арх. С. Розенблюм, В. Кацев, Б. Тютин, худ. Е. Сидоркин), и при поддержке одноименного местного центра современной культуры московски-

ми исследователями А. Броницкой и Н. Малиным был издан путеводитель по модернистской архитектуре Алматы [Броницкая, Малинин 2018]. Правительство Узбекистана в 2020 году начало проект «Модернизм 20/21», посвященный комплексной охране ташкентского модернизма как городского слоя.

При этом в сегодняшней России власти, как правило, не видят в архитектуре хрущевской и брежневской эпох никакой художественной ценности (и надо сказать, что население в целом с ними скорее солидарно) — количество поставленных на госохрану памятников можно пересчитать по пальцам, и за последнее десятилетие список памятников не пополнился ни одним «модернистским» объектом, а список утрат увеличился и включил в себя такие уникальные и обладавшие всеми признаками объектов культурного наследия здания, как посадочный павильон в аэропорту Шереметьево (1964, Г. Елькин, Ю. Крюков) и музей АЗЛК «Москвич» (1980, Ю. Регентов). Одним из громких скандалов последнего времени стал запланированный (но пока так и не случившийся) снос здания Дома Советов в Калининграде, давно уже ставшего общепризнанным символом города. В последние годы появились и редкие примеры вполне качественной реставрации памятников архитектуры позднего СССР: главный туристический комплекс «Суздаль», музей «Гараж» в Москве, концертный зал «Юпитер» в Нижнем Новгороде. Но если снос знаковых объектов модернизма согласовывается государством, то все примеры реставрации пока что инициативы частных инвесторов.

В современной России первые подходы к снаряду «советский модернизм» были предприняты в середине 2000-х, однако это были попытки скорее не осмыслить, но хотя бы просто выделить архитектуру второй половины 1950-х — конца 1980-х годов в некий единый период (как сегодня уже видно, весьма неравномерный) и дать ему нарицательное имя. Характерно, что проблемой в первую очередь наименования, а затем — ревизии и сохранения этого наследия занялись в первых рядах сами его творцы и современники — архитекторы и искусствоведы, чей максимально плодотворный период пришелся на хрущевскую и брежневскую эпохи.

Первые ласточки были запущены ими в 2006 году, когда в Музее архитектуры им. А.В. Щусева в Москве по инициативе архитекторов и теоретиков архитектуры Феликса Новикова (1925—2022) и Андрея Гозака (1936—2012), выступившего также в качестве куратора, прошла выставка «Советский модернизм» и был выпущен небольшой каталог к ней. В 2010 году в издательстве «Татлин» был опубликован альбом «Сто шедевров советского модернизма», вновь под редакцией Феликса Новикова [Новиков, Белоголовский 2010]. Характерно, что и выставка 2006 года, и книга 2010-го ни в коей мере не отдавали предпочтения архитектуре РСФСР — напротив, авторам было важно зафиксировать советский модернизм именно как единое, целостное, не разделенное границами, интернациональное и при этом разнообразное явление, в которое был включен весь Советский Союз. Можно было бы заподозрить здесь некую ностальгию по временам СССР как временам молодости, увидеть в стремлении вновь собрать в музейных стенах в центре Москвы все республики ностальгическое «какую страну потеряли», если бы не знать, что и Гозак, и Новиков не были и в советское время чрезмерно лояльны к режиму. Впрочем, этот вопрос остается в области предположений.

Однозначно можно утверждать, что после московской выставки 2006 года и выхода альбома в 2010-м термин «советский модернизм» утвердился (хотя

и не без споров и критики, в том числе и со стороны самих архитекторов, подчеркивавших, что сами они никогда не называли себя «модернистами») для обозначения архитектуры периода 1955—1991 годов.

При этом сегодня при использовании этого термина возникают как минимум две проблемы. Первая — рассинхронизация с европейской традицией понимания модернизма в живописи и в архитектуре, где термин «модернизм» (иногда с приставкой «первой волны») определяет в первую очередь искусство межвоенного периода. Однако в советской традиции архитектуру 1920—1930-х годов принято обозначать как «авангард», и с легкого пера Феликса Новикова именно архитектура после 1955 года¹ получила название «советской модернизм».

Вторая проблема состоит в неоднородности архитектуры, помещенной «внутри» термина. Сегодня очевидно, что внутри периода 1955—1991 годов можно выделить как минимум интернациональный стиль оттепели, брежневский брутализм, советскую версию постмодернизма 1970—1980-х годов — которая очень сильно выпадает из термина «модернизм» концептуально, но при этом остается включенной в его хронологические рамки. Эти и другие вопросы сегодня требуют многих дополнительных изысканий.

В начале 2010-х годов в России стали появляться независимые группы исследователей «советского модернизма». «Совмодом» увлеклись люди 1980—1990-х годов рождения, которые, с одной стороны, ощущают связь с этим наследием через своих родителей и старшие поколения, а с другой стороны — находятся на достаточной временной дистанции, чтобы заниматься его каталогизацией, описанием и анализом уже с позиции «извне». Так была создана группа «Совмод» (состоявшая в основном из студентов и недавних выпускников МАРХИ). Почти одновременно был основан Институт модернизма, цель которого состояла в том, чтобы защитить от сноса наиболее значимые памятники этого периода в Москве (что не увенчалось успехом). Параллельно развивались многочисленные группы во «ВКонтакте» и других социальных сетях, занимавшиеся поиском и размещением в интернете архитектурных объектов позднесоветской эпохи. Среди таких пабликов могут быть названы «Современная типовая архитектура», «Архитектура социализма», «Бетон и кусочки» и другие.

После картинок постепенно пришло время текстов. При этом ранний период эпохи советского модернизма — оттепель с ее ясным стилем и социальным оптимизмом — оказался поначалу наиболее интересным для исследователей.

В 2013 году в издательстве РОССПЭН был опубликован сборник «Эстетика оттепели: новое в архитектуре, искусстве, культуре» [Казакова 2013], в который вошли статьи большинства на тот момент занимавшихся вопросами архитектуры советского модернизма исследователей. Судя по материалам сборника, темами, в первую очередь вызывавшими интерес исследователей в России, стали «истоки стиля» (в основном из эпохи авангарда), влияние (конечно же, в первую очередь западное), а также отдельные архитектурные объекты и «кейсы» по их созданию. В статьях освещались существующие, нереализованные и утраченные объекты, нерассказанные истории, градостроительные принципы, генезис и проблемы архитектурной формы, дизайн и синтез ис-

---

1 4 ноября 1955 — дата выхода постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве».

куств. До осмысления проблем взаимоотношений между центром и республиками к 2013 году исследователи не добрались.

В 2017 году выставки про искусство и архитектуру оттепели прошли в трех музеях в Москве (Государственная Третьяковская галерея, Музей Москвы и ГМИИ им. А.С. Пушкина)², и в ГТГ был издан сборник статей «Оттепель» [Курляндцева, Воротынцева 2017], но и здесь темы взаимоотношений между Москвой и республиками не были затронуты.

В сегодняшнем контексте, оглядываясь на пять-десять лет назад, невозможно не задать себе вопрос — почему? Объяснений этому не так много. Первым объяснением является некая инерция советских времен, следуя которой в отношениях между республиками до распада СССР не было принято видеть проблему, и одновременно — существенная задержка, временной лаг в открытии российскими исследователями современной постколониальной оптики как способа смотреть на историю архитектуры, в частности советской архитектуры. По всей видимости, постсоветская привычка отказа даже от мысли об СССР как о колониальной империи с вытекающими из этого последствиями была (и остается) во многом формирующей научное поле современной России, и область истории искусства отнюдь не исключение.

Продолжая жить в бывшем «центре» (а большинство авторов статей обоих сборников — москвичи или петербуржцы), в 2010-е годы, по-видимому,истики архитектуры еще не были готовы и не обладали достаточными знаниями для того, чтобы осознать, сколь противоречивым и неоднозначным могло быть отношение в союзных республиках к временами весьма жестко диктуемой из Москвы архитектурной политике, к необходимости обязательно согласовывать республиканские проекты с Москвой³, за которой оставалось принятие решений, или к сложившейся в Узбекской ССР после землетрясения 1966 года ситуации формирования «национальной по форме» архитектуры руками приезжавших «из центра» архитектурных кадров.

В это время больше рефлексии вызвала книга Александра Эткинда о «внутренней колонизации» [Эткинд 2013] — скорее именно через нее для многих происходило осмысленное знакомство с термином в его современной интерпретации и способом смотреть на окружающий мир. Эта книга сыграла не только положительную, но и отрицательную роль, в очередной раз направив взгляд российских интеллектуалов внутрь себя и собственных проблем и несчастий.

Понятно, почему традиция критического изучения архитектуры модернизма позднего СССР с точки зрения истории институциональных структур и институционального взаимодействия между Москвой и республиками, иерархического устройства упомянутого выше в нашем тексте «аппарата управления»,

2 Государственная Третьяковская галерея — «Оттепель», кураторы К. Светляков, А. Курляндцева; Музей Москвы — «Московская оттепель: 1953—1968», кураторы Е. Кикодзе, А. Селиванова и др.; ГМИИ им. А.С. Пушкина — «Лицом к будущему. Искусство Европы 1945—1968», кураторы Э. Гиллен, П. Вайбель, Д. Булатов.

3 Процесс согласования подробно показан, например, в фильме «Алмазный пояс» (1986, реж. Г. Шермухамедов), где архитекторы с чертежами и макетами летят из Ташкента в Москву для согласования проектов площади и станции метро «с дарами» в виде дынь и зеленого чая, обсуждая знакомства, которые могут помочь в успехе, и где лишь благодаря присутствию на совещании «зрящего в корень» московского начальства ключевой вопрос о сохранении национального наследия решается в пользу главного положительного героя.

проблем унификации и национального своеобразия не могла быть сформирована в советское время, а вместо этого подменялась лозунгами и формулами, за которыми могло стоять нечто полностью противоположное. В советскую эпоху посвященная архитектуре профессиональная литература активно поддерживала рожденный еще в 1920-е годы политической волей миф о «единстве», об архитектуре, «национальной по форме, социалистической по содержанию» (формула, придуманная еще в 1926 году, прожила до конца СССР, меняя свое значение сообразно обстоятельствам). Образцом такого подхода является центральная для данной темы книга Юрия Яралова «Национальное и интернациональное в советской архитектуре» [Яралов 1971], написанная на взлете советского модернизма как стиля и выдержавшая несколько переизданий.

Гораздо более печально, что такая традиция едва ли начала формироваться в России и за прошедшие с окончания советского проекта уже более чем тридцать лет. Несмотря на весь скепсис современных исследователей по отношению к советской риторике (укрепленный и отчасти объясненный книгой А. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось» [Юрчак 2014]), никто пока что не попытался взглянуть на эту формулу под иным углом, пересмотреть ее критически и понять, что же стояло за ней в реальности, как трансформировались стоящие за этой формулой смыслы, как формировались условия творчества и как они влияли на результаты. Система взаимодействия между центром и республиками до сих пор никем научно не описана. Кто кому подчинялся? С какими именно институциями согласовывались проекты? Кто выдавал предписания и принимал решения в Москве относительно строительства в республиках? Были ли правила одинаковыми или разными? Что это был за аппарат? Из чего он состоял? Как именно действовал? Одинаково или по-разному во всех республиках? Кто управлял этим аппаратом, что за люди стояли «у пульта»? Как он видоизменялся на протяжении более чем сорока лет? Как с ним взаимодействовали республики? Насколько этот «аппарат» влиял на художественные качества возводившихся архитектурных объектов, или же он в первую очередь контролировал экономику?

Об этом есть лишь обрывочные сведения, основанные по большей части на интервью с участниками тех событий, но никакого системного представления об этом нет.

Кураторы Венского конгресса объяснили отказ от включения в исследование РСФСР именно нежеланием иметь дело с препятствующей развитию региональных особенностей машиной административной политики и одновременно желанием вывести на передний план результаты сопротивления этой машине, проявившиеся в разнообразии архитектуры бывших республик. Пресс-релиз выставки гласил:

Мы сознательно исключаем российскую архитектуру из нашего проекта в стремлении раскрыть «архитектурные индивидуальности в рамках империи» и *ограничиваемся представлением об управляемом из центра архитектурном аппарате* (курсив мой. — О. К.), который действовал во всех республиках посредством плановых институтов и предписанных норм⁴.

---

4 Пресс-релиз выставки «Советский модернизм 1955—1991. Непрассказанные истории» // <https://archi.ru/events/6233/sovetskii-modernizm-neizvestnye-istorii-1955-1991> (дата обращения: 12.10.2022).

Несмотря на вышесказанное, кураторы приняли исключительно гуманное и полезное, на наш взгляд, для изучения истории позднесоветской архитектуры решение пригласить на конгресс 2012 года архитекторов из всех бывших республик СССР, включая и архитекторов из РСФСР, составивших на конгрессе большинство. Среди последних были Елена Анцута, Андрей Боков, Игорь Василевский, Юрий Гнедовский, Александр Ларин, Элеонора Лихтенберг, Андрей Косинский, Владимир Красильников, Феликс Новиков и другие. Для них был организован в рамках конгресса круглый стол, за которым участники из бывшей РСФСР составили большинство и за которым тема исключения РСФСР всплывала неоднократно. К сожалению, запись круглого стола не велась (а он мог бы стать важнейшим свидетельством эпохи, тем более что многих из участников сегодня уже, к сожалению, нет в живых), но основная звучавшая за ним идея может быть сформулирована так:

Исключение наших работ сегодня — это вопрос политики. Не нужно смешивать архитектуру и политику, как мы не смешивали их в свое время. Мы честно работали, вместе и по отдельности, мы с полной самоотдачей занимались творчеством и делали это от всего сердца и на максимуме своих способностей и возможностей (Ю. Гнедовский, цитата по памяти моя. — О.К.).

Через два года на исключение РСФСР из списка исследуемых республик уже более развернуто отреагировал архитектор и теоретик архитектуры Феликс Новиков в своем докладе на конференции «Локальные модернизмы. Национальная архитектура и интернациональный стиль в советской империи после 1953 года»⁵, прошедшей на архитектурной биеннале в Венеции 2014 года:

Мы встречались по разным поводам в Москве и столицах республик, обсуждали общие творческие проблемы. Эти встречи собирали яркий букет умов и талантов — мастеров со всех концов страны. А общие проблемы, единство интересов создавали атмосферу взаимной поддержки, и это тоже способствовало успеху дела. Можно сказать, что Союз архитекторов СССР был почвой, на которой взращивалась цеховая солидарность, подлинная дружба между коллегами, за которой иногда следовало совместное творчество.

В советские годы я бывал во всех республиках страны. Видел едва ли не все лучшие работы советских архитекторов, вел дружбу с коллегами по всем столицам. *Я утверждаю, что между нами никогда не было и не могло быть никаких межнациональных конфликтов, никакого имперского духа.* Помните Вадима Иванова, который был главным архитектором Баку 30 лет? Почему я об этом спрашиваю? Потому, что такое было возможно в советское время и абсолютно невозможно — даже на один день — теперь. Но это новая история, а я говорю о прошлом. Советские архитекторы действительно были дружной творческой семьей, и с полным основанием можно сказать, что советскую архитектуру мы создавали сообща⁶ (курсив мой. — О.К.).

Таким образом, мы видим, что в декларируемых в начале 2010-х годов представлениях участников советского архитектурного процесса из РСФСР архи-

---

5 «Local Modernities. National Architecture and International Style in the Soviet Empire post 1953». Венеция, 21–22 октября 2014 года, кураторы конференции Рубен Аревшатыан (Армения), Георг Шёльхаммер (Австрия)

6 Текст доклада Ф. Новикова сохранился в архиве автора статьи.

тектура советского модернизма была вне политики, «имперский дух» и межнациональные конфликты не просто отсутствовали, но были невозможны. Архитектура советского модернизма принципиально деполитизируется, «выносятся» в сферу чистого творчества.

На этот процесс, правда не касательно архитектуры, а касательно попытки приблизиться к постколониальным исследованиям сегодня в России в целом, указывает в своих работах Мадина Тлостанова — один из важнейших теоретиков культуры и деколонизации из пишущих сегодня на русском (в том числе) языке:

Именно эта демонстративная деполитизация, которая в СССР еще могла восприниматься как форма противостояния режиму, в постсоветский период оказалась фатальной, оставив отечественное гуманитарное и социальное знание на обочине мировой науки [Тлостанова 2020: 17].

Конечно, мы не пытаемся утверждать, что присутствовавшие на конгрессе архитекторы старшего поколения должны были или могли бы стоять в фарватере «мировой науки», но, как мы увидим позднее, в научных кругах ситуация в 2010-е годы обстояла схожим образом.

Исключение России из списка стран — бывших республик, представленных на международном конгрессе по изучению советского модернизма, не прошло незамеченным для исследователей из современных независимых государств, по крайней мере из Украины и Латвии. Так, украинский исследователь и историк архитектуры Алексей Радинский через несколько месяцев после завершения конгресса опубликовал на российской платформе «Colta» статью «Украина наносит ответный удар» [Радинский 2013], название которой говорит само за себя — впрочем, «воинственная» риторика в описании архитектуры имеет очень давнюю традицию и в советскую эпоху использовалась как никогда ранее часто и прямо — чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть несколько стенограмм заседаний Академии архитектуры СССР за любой период.

Арт-журналист Анна Илтнере, пишущая о странах Балтии для платформы «Arterritory», в своей посвященной Венскому конгрессу статье «Постсоветский анамнез» упоминает об исключении РСФСР из исследования, однако делает это нейтрально. Тем не менее в самой статье Анны речь снова идет об РСФСР, только как о госаппарате, транслирующем насилие, и взаимоотношения с ним описываются лишь в терминах борьбы:

Историй о том, что в каждой из республик архитекторы получили «щель» для реализации необычных проектов, немало. Классическим примером стал «спальный» микрорайон Лаздинай («Орешник») в пригороде Вильнюса... Группа литовских архитекторов, борясь против засилья «хрущоб» в центре города, в начале семидесятых годов *«выбила»* возможность создать своеобразный город-спутник в предместье столицы. Источником вдохновения послужил финский опыт — умение «вписывать» жилые районы в холмистый, лесистый ландшафт. И хотя *авторитеты* смотрели на проект с подозрением, его удалось согласовать, и в 1974 году коллектив авторов был даже удостоен Ленинской премии в области архитектуры. Городок, в котором по-прежнему живут люди, оценивается не только как *пример борьбы между прогрессивными архитекторами и закоснелыми советскими бюрократами, но и как проявление национальной идентичности* [Илтнере 2013] (курсив мой. — О.К.).

Таким образом, в отличие от российских архитекторов и исследователей, для исследователя из бывших республик решение о невключении объектов, находящихся на территории бывшей РСФСР в материалы конгресса, выглядит гораздо более обоснованным и убедительным. Вновь цитирую Алексея Радинского:

...здесь (в исследовании и на выставке. — О.К.) огромный культурный слой советской периферии был чуть ли не впервые изучен в качестве *самодостаточного* явления, не нуждающегося в посредничестве *имперского центра* [Радинский 2013] (курсив мой. — О.К.).

Нельзя не согласиться, что архитектура бывших союзных республик, сегодня — независимых государств, самодостаточна и представляет огромный интерес и огромную ценность. Но не с теми ли же проблемами взаимодействия и борьбы с государственным аппаратом сталкивались архитекторы из РСФСР? И действительно ли исключение РСФСР из изучения такого общего для всех бывших пятнадцати республик явления, как архитектура советского модернизма — это способ глубже изучить архитектуру оставшихся четырнадцати, или же это, как предположил теоретик искусства Виктор Мизиано в уже упоминавшейся выше статье Анны Илтнере, попытка стереть память о колониальном прошлом, которая в терминах теоретика постколониализма Лилы Ганди называется «волей к забвению» (*will-to-forget*) (см.: [Илтнере 2013])?

В любом случае экспериментальный подход, предложенный кураторами Екатериной Шапиро-Обермайер, Александрой Вотчер и Катариной Ритгер, показал свою продуктивность. Он позволил обратить внимание на те связи, которые существовали между республиками напрямую, на другие векторы, кроме как направленные «в Москву» и «из Москвы», проявил множество находившихся в тени традиционного централизованного подхода явлений и смыслов.

С другой стороны, позднесоветская архитектура РСФСР, так же как и других союзных республик, — это не только «аппарат»; это в первую очередь здания и стоящие за ними идеи, даже если эти здания физически находились на территории «имперского центра». Давала ли эта близость преимущества архитекторам? Это весьма спорно. «Аппарат» действовал во всех республиках, включая и РСФСР. Нахождение «на глазах у начальства» иногда оборачивалось большими проблемами для по крайней мере московских архитекторов — примером может служить история с жилым комплексом «Лебедь» (1967—1973) Андрея Меерсона (1930—2020), расположенном на Ленинградском шоссе, по которому «начальство» ездило в аэропорт и который принес много неприятностей своему автору за «пустые» первые этажи на ногах. Другой пример — здание Совета Экономической взаимопомощи на Калининском проспекте (сегодня Новый Арбат) всемогущего в 1970-е годы Михаила Посохина, который так и не решился согласовать более дорогую марку стали, чтобы сделать свою «пластину» еще более тонкой. То есть вопрос, на кого больше давил «архитектурный аппарат» — на «ближних» или на «дальних», по крайней мере для непосредственных участников событий не может быть сегодня решен однозначно.

Таким образом, к началу 2010-х годов сформировались три «позиции» по вопросу изучения архитектуры советского модернизма. Представители бывшего «имперского центра» стремились к деполитизации архитектурных процессов позднего СССР, озвучивая призыв «возьмите и покажите наше творчество, а ни про какой имперский дух мы ведать не ведаем»; представители бывшей «окраины» (в терминах Алексея Радинского) считали показ памятни-

ков РСФСР и бывших республик на одной выставке потенциальной угрозой самодостаточности их архитектуры как явления; «независимые судьи» — кураторы Венского архитектурного центра ассоциировали РСФСР прежде всего с «архитектурным аппаратом» и не считали первоочередной задачей разбираться в его устройстве, вместо этого указывая на его авторитарность и колониальность и вовсе изгоняя РСФСР «за прошлые грехи» из исследовательского поля.

Почему это было так? Ответов может быть много. Один из них, если говорить о России, может быть сформулирован на следующем примере. «Благостный» «деполитизированный» подход российских архитекторов старшего поколения в середине 2010-х годов, продемонстрированный в Вене, обернулся несколько иной стороной в Москве. Вернувшись из Вены воодушевленным и услышанным, автор этой статьи, в то время старший научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), подала заявку на двухлетнюю исследовательскую тему «Национальная политика СССР в области архитектуры 1960—1980-х годов». Тему необходимо было утверждать в РААСН, где ее гневно и безапелляционно отклонили, хотя это были времена, когда почти все заявленные темы спокойно и довольно формально проходили процесс утверждения. В кулуарных беседах тема была названа «слишком опасной», «политической» и «могущей неизвестно кого затронуть и иметь не понятно какие последствия», прозвучала формула «зачем старое ворошить», что было особенно эффектно в отношении Института истории архитектуры (кстати говоря, в 2022 году уничтоженного). Соответственно, опытным путем было установлено, что в российских официальных учреждениях тема национальной политики и колониальных проблем в области архитектуры в середине 2010-х годов была табуирована, даже если речь шла о событиях 70—40-летней давности.

Впрочем, это касалось не только истории архитектуры. С других областей гуманитарного знания, как пишут сегодня многие исследователи, включая уже упоминавшуюся Мадину Тлостанову, тема колониализма и постколониализма применительно к СССР и сегодняшней России если не была табуирована напрямую, то и не воспринималась всерьез. Как пишет философ, преподаватель Американского университета в Центральной Азии в Бишкеке Георгий Мамедов в своей статье «Соучастие: о колониальности по-русски»: «В начале 2010-х, во время моей учебы в философской магистратуре, любые упоминания о постколониальной теории вызывали не более чем снисходительную улыбку даже у самых прогрессивных профессоров» [Мамедов 2022: 113].

Через эту оптику еще не привыкли смотреть не только русские искусствоведы или культурологи, ни даже филологи, перед которыми лежит буквально море текстов, в том числе самых известных, буквально призывающих прочесть себя сквозь постколониальную оптику. И тем не менее в 2010-е годы

постколониализм, столь популярный на Западе, на литературной карте России продолжает оставаться белым пятном. Сам термин иной раз встречается в критике, но так редко... <...> Корпус работ, серьезно разрабатывающих постколониальный дискурс применительно к русской литературе, невелик, и показательно, что большинство из них написано или западными учеными, или российскими литературоведами, связанными с западной академией, такими как А. Эткинд или Г. Гусейнов [Брейнингер 2012: 166].

Судя по опубликованной в начале 2020 года в журнале «НЛО» статье доктора филологических наук Элеоноры Шафранской, к началу 2020-х ситуация не слишком изменилась:

Неспешность, с которой набирает обороты процесс изучения постколониальных проблем в литературе, видимо, закономерна... сказывается инерция экзистенциальных парадигм — пропагандисты и столпы, формирующие картину мира у сограждан (будь то учебники или популярная научная литература), ни за что не откажутся от устоявшихся идеологем, для них неприемлем термин «колониальная держава» в отношении СССР. Программы немногочисленных конференций, проходящих в России и посвященных колониальной и постколониальной проблематике в литературе, сосредоточены в основном на материале зарубежной литературы... проблема колониальности и постколониальности в литературе в подавляющем большинстве исследуется на материале англоязычной литературы (британской, американской, индийской), французской, болгарской, сербской, польской и др. Русская литература крайне редко выступает объектом колониального и постколониального дискурса [Шафранская 2020].

Действительно, как и во времена СССР, мы продолжаем считать или делать вид, что проблема колониальности — это где-то у них, на Западе, мы же сами можем традиционно выступать только в качестве борцов с этим явлением — М. Глостанова называет это явление «колониальной амнезией» в России.

Вопрос о том, был ли Советский Союз империей, до сих пор еще не решен, и неизвестно, может ли он в России быть однозначно решен в принципе — на эту тему есть замечательная лекция историка Сергея Абашина, находящаяся на момент написания этой статьи в общем доступе⁷.

На рубеже 2010—2020-х годов, однако, по наблюдению немногих ученых, занимающихся проблемой постколониализма и деколониальности, а также интересующихся этой темой, в России произошел взрыв интереса к ней. Прошло нескольких конференций по теме — например, конференция «Пост-что? нео-как? Современные конфигурации бывшего советского пространства» в музее «Гараж» 22—23 ноября 2019 года, было запущено как минимум два лекционных курса на независимых образовательных платформах (некоторые из которых все еще можно прослушать), например стоит упомянуть курс «(Пост)колониальные исследования», вышедший в 2020-м году на платформе Neon University, или курс «(Пост)колониальное знание и искусство» на платформе «Среда обучения», а также было переведено и издано нескольких важных книг и сборников по данной теме.

Что же касается российских университетов, то курсов, которые могли бы помочь студентам осмыслить историю СССР с точки зрения постколониальной теории, на сегодняшний день крайне мало. Так, в Школе исторических наук ВШЭ есть курс «Постколониальные исследования и история империй XX века», который, впрочем, почти не затрагивает послевоенную историю СССР и касается в большей мере «западных держав». В Шанинке на программе Политической философии есть курс «Ориентализм и постколониальные исследования». Но курсов, анализирующих литературу и искусства с точки зрения постколониальной теории, автору статьи найти не удалось.

---

7 Абашин С. Был ли Советский Союз колониальной империей? // https://www.youtube.com/watch?v=pP_F1Rk97kQ (дата обращения: 13.10.2022).

Как видно, предпринятых на сегодняшний день усилий и уж тем более достижений на ниве насаждения постколониальной теории и уж тем более деколониального взгляда на русскую почву все еще, можно сказать, исчезающе мало, и уж точно количество курсов, книг и конференций по данной теме совершенно не соразмерно тому количеству исторических событий и проблем, которые продолжают мощно влиять на нас сегодня. Специалистов по постколониальной теории в России буквально можно пересчитать по пальцам одной руки.

Что же мы имеем по прошествии с Венского конгресса десяти лет? Если в 2012 году белое пятно вместо РСФСР на карте советского модернизма вызывало непривычные и смешанные чувства, то в 2022-м исключение, или, на новоязе, «кэнселлинг» русской культуры стал повседневностью, вызванной как раз отказом от деколонизации. Возможно, отсутствие за эти десять лет сколь-либо серьезной дискуссии о постколониализме и случившееся связаны между собой.

Сегодняшняя ситуация в России, с одной стороны, очевидно препятствует изучению чего-либо, в том числе архитектуры советского модернизма, через постколониальную оптику, с другой стороны — буквально взывает об этом. Оборачиваясь назад, ясно видишь, что время упущено и необходимо «нагонять».

Архитектура советского модернизма и стоящий за ней пресловутый «государственный аппарат» сегодня — это, очевидно, один из ключей к пониманию вопроса о том, что произошло во взаимоотношениях между «центром» и «республиками» во второй половине XX века и, возможно, один из многих путей к столь необходимой нам сегодня и в будущем деколонизации сознания.

На сегодняшний день возможности изучения источников и памятников бывших союзных республик, сегодня независимых государств, крайне ограничены и по этическим соображениям (даже вопрос о том, можно ли включать ли памятники, находящиеся сегодня на территории других государств, но построенные во времена СССР российскими архитекторами, в статью о русской архитектуре XX века, вызывает сегодня споры и не решается среди профессионалов однозначно), и по причинам физической недоступности. Едва ли не единственный выход и, наверное, самая важная задача сегодня для российских ученых — приложить максимальные усилия к глубокому изучению и анализу вопроса о том, что происходило «в центре», внутри, однако с полным вниманием к тому, как это влияло на другие республики.

Уже сегодня понятно, что архитектурная политика СССР в длинную эпоху советского модернизма с его идеологией универсализма отнюдь не была однородной. Несмотря на деклариовавшееся всеобщее равенство и, казалось бы, общую для всех республик на протяжении всех лет существования СССР формулу «национальная по форме, социалистическая по содержанию», Москва выстраивала и проводила свою политику в области архитектуры с разными республиками совершенно по-разному, на различных уровнях вмешиваясь в инициированный ей же самой процесс адаптации универсальных идей модернизма к локальным культурным, средовым и другим контекстам. Реакция на нее, соответственно, тоже была разной в разных республиках и зависела от множества факторов.

Даже сам поворот к модернизму 1955 года в советской Прибалтике, например, был воспринят как освобождение от «русской» (как она воспринималась) сталинской архитектуры и возможность обращения к гораздо более близкой

эстетике скандинавского модернизма⁸. В Казахской ССР этот поворот, судя по протоколам совещаний, большинством архитекторов был без энтузиазма понят как требование отказа от национальной идентичности в архитектуре.

Еще более интересные «повороты» в политике начались, однако, в первой половине 1960-х, когда «интернациональный» стиль в первую очередь в республиках Закавказья и Средней Азии (в терминах того времени) постепенно стал вновь обрастать национальным декором.

В Узбекской ССР, судя по результатам исследования Бориса Чуховича, после ташкентского землетрясения 1966 года намерением в первую очередь местных элит проводилась политика «искусственной ориентализации», зачастую руками московских архитекторов.

В Армении, например, уже в середине 1960-х годов модернистская архитектура стала приобретать национальные черты, и «центр» этому не препятствовал, стремясь, вероятно, таким образом нейтрализовать эмоции, обострившиеся в республике после полувековой годовщины армянского геноцида в Османской империи.

Вопрос о развитии модернизма в РСФСР, Белорусской и Украинской ССР сегодня же представляется чрезвычайно сложным. По предположению Алексея Радинского,

поиски «национальной специфики» прибалтийского, белорусского или украинского неомодернизма если не бессмысленны, то как минимум обманчивы. Действительным горизонтом для большинства работающих тут архитекторов был актуальный космополитический модернизм, а «национальная специфика» чаще всего воспринималась как орнаментальный пережиток предыдущей эпохи. И если прибалтийские архитекторы, оппозиционно настроенные по отношению к российскому доминированию, выстраивали что-то вроде самобытных стилей на основе доступных западных образцов, прежде всего скандинавских, то в Белоруссии и на Украине создавались произведения, которые напрямую соотносились с тогдашним авангардом архитектурного модернизма. *Противостояние имперскому центру* (курсив мой. — О.К.) все реже проявлялось в желании влить национальную форму в модернистскую оболочку и все чаще — в стремлении обойтись без посредничества Москвы и самостоятельно обратиться к актуальной западной архитектуре [Радинский 2013].

Однако может существовать и другая версия ответа на вопрос, что могло быть причиной отказа от «национальных» черт в архитектуре РСФСР, УССР и БССР (нам кажется логичным объединить эти три республики, а Прибалтику рассматривать отдельно). Возможно, помимо внутренней причины в виде желания архитекторов работать напрямую с тогдашним «западным авангардом архитектурного модернизма», существовало и понимание «центром» и «ар-

---

8 Характеризуя архитектурную идентичность регионов, Катарина Риттер отмечает, что в архитектуре советской Прибалтики явно прослеживается ориентация на Скандинавию: «Простые, функциональные формы, точность деталей и относительно высокое качество исполнения нечасто ассоциируются с представлением о советских строениях. В прибалтийских республиках, и особенно в Эстонии, не было выраженной “русификации” профессии архитектора. К тому же прибалты как до, так и после Второй мировой войны довольно прочно идентифицировались с концепцией модернизма, в то время как сталинская архитектура считалась частью русской культуры, а потому чем-то чуждым» (цит. по: [Илтнере 2013]).

хитектурным аппаратом», каким республикам можно «позволять» наращивать национальную идентичность в архитектурной форме, а каким — не стоит. В таком случае внешнее давление властей и внутреннее стремление архитекторов из БССР и УССР могли на какое-то время совпасть.

Описанные выше примеры — это лишь предположения и штрихи в огромной картине советской национальной политики в области архитектуры эпохи советского модернизма. Сегодня очевидно, что именно формировавший национальную политику СССР в области архитектуры «государственный аппарат» оказался самым большим белым пятном в исследованиях советской архитектуры, поскольку поколение архитекторов и исследователей, в основном сформировавшее свои взгляды до 1991 года, предпочитает о нем забыть, а «младшее» поколение — имеет очень слабое представление о том, как он функционировал, основанное в первую очередь на весьма сжатых рассказах «старшего поколения». Тем не менее в изучении механизмов власти и их влияния на искусство и культуру в позднем СССР, возможно, как раз и находится ключ к пониманию проблем настоящего, и архитектура как искусство, которое во все эпохи наиболее близко соприкасается с политикой, является сегодня важнейшим источником информации и объектом для максимально пристального изучения.

Библиография / References

- [Брейнингер 2012] — *Брейнингер О.* Безмолвный протест // Октябрь. 2012. № 10. С. 166—169.
- (*Brejninger O.* Bezmolvnyj protest // Oktober. 2012. № 10. P. 166—169.)
- [Броновицкая, Малинин 2018] — *Броновицкая А., Малинин Н.* Алма-Ата. Архитектура советского модернизма 1955—1991. М.: Гараж, 2018.
- (*Bronovitskaya A., Malinin N.* Alma-Ata. Arhitektura sovetского modernizma 1955—1991. Moscow, 2018.)
- [Илтнер 2013] — *Илтнер А.* Постсоветский анамнез // Arterritory. 2013. 11 февраля (https://artterritory.com/ru/arhitektura_dizain—moda/stati/5931-postsovetskii_anamnez (дата обращения: 13.10.2022)).
- (*Iltnere A.* Postsovetskiy anamnez // Arterritory. 2013. February 11 (https://artterritory.com/ru/arhitektura_dizain—moda/stati/5931-postsovetskii_anamnez (accessed: 13.10.2022)).)
- [Казакова 2013] — Эстетика «оттепели». Новое в архитектуре, искусстве, культуре / Под ред. О. Казаковой. М.: РОССПЭН, 2013.
- (*Kazakova O.* Estetika “ottepeli”. Novoe v arhitekture, iskusstve, kul'ture / Ed. by O. Kazakova. Moscow, 2013.)
- [Курляндцева, Воротынцева 2017] — Оттепель / Сост. А. Курляндцева, Ю. Воротынцева. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2017.
- (*Ottepel' / Ed. by A. Kurlyandceva, Yu. Vorotynceva.* Moscow, 2017.)
- [Мамедов 2022] — *Мамедов Г.* Соучастие. О колониальности по-русски // Деколонизальность. Настоящее и будущее / Под ред. Е. Джаббаровоной. М.: Горизонталь, 2022. С. 112—127.
- (*Mamedov G.* Souchastie. O kolonial'nosti po-russki. // Dekolonial'nost'. Nastoyashchee i budushchee / Ed. by E. Dzhabbarova. Moscow, 2022. P. 112—127.)
- [Новиков, Белоголовский 2010] — *Новиков Ф., Белоголовский В.* Советский модернизм 1955—1985. Екатеринбург: Tatlin, 2010.
- (*Novikov F., Belogolovskiy V.* Sovetskiy modernizm 1955—1985. Ekaterinburg, 2010.)
- [Радинский 2013] — *Радинский А.* Украина наносит ответный удар // Colta.ru. 2013. 5 февраля (<http://archives.colta.ru/docs/12396> (дата обращения: 12.10.2022)).

- (Radinskij A. Ukraina nanosit otvetnyy udar // Colta.ru. 2013. February 5 (<http://archives.colta.ru/docs/12396> (accessed: 13.10.2022)).)
- [Глостанова 2020] — *Глостанова М.* Деколонизация бытия, знания и ощущения. Алматы: Центр современной культуры «Целинный», 2020.
- (*Glостanova M.* Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oshchushcheniya. Almaty, 2020.)
- [Шафранская 2020] — *Шафранская Э.* О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в литературе постколониальной // Новое литературное обозрение. 2020. № 161 (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21984/ (дата обращения: 12.10.2022)).
- (*Shafranskaya E.* O rusском orientalizme, "rusском mire" v kolonial'noy literature i ikh pereosmyslenii v literature postkolonial'noy // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 161 (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21984/ (accessed: 13.10.2022)).)
- [Эткинд 2013] — *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- (*Etkind A.* Internal colonization. Russia's imperial experience. Moscow, 2013. — In Russ.)
- [Юрчак 2014] — *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- (*Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation. Moscow, 2014. — In Russ.)
- [Яралов 1971] — *Яралов Ю.* Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М.: Стройиздат, 1971.
- (*Yaralov Yu.* Natsional'noe i internatsional'noe v sovetской arhitekture. Moscow, 1971.)
- [Ritter et al. 2012] — Soviet Modernism 1955—1991. Unknown History / Comp. by K. Ritter, E. Shapiro-Obermair, A. Wachter. Wien: Architekturzentrum, 2012.
- [Chaubin 2011] — *Chaubin F.* Cosmic Communist Constructions Photographed. Köln: Tashen, 2011.